

Любовь въ драмахъ Метерлинка.

№ 35
1904

Въ самую тяжелую времена своей судьбы древні христіане на гробницахъ братьевъ-мучениковъ рисовали нѣжные символы жизни и любви: голубя, виноградную лозу, феникса, спѣлые колосья, лилии и т. п. (Историческая справка).

„Въ наши дни, въ пору абсолютнаго господства естественныхъ наукъ, денегъ и проституціи“ ¹⁾ такъ необычно писать о любви, о самой чистой, одухотворенной любви двухъ сердецъ, какую только могъ возсоздать нѣжный Метерлинокъ.

Такъ необычно писать... Но именно потому-то и стоитъ, и нужно писать о ней.

Да, кажется, ни одна вещь не ополена такъ современнымъ материалистическимъ строемъ жизни, какъ любовь мужчины и женщины. Изъ разума души, граничащаго съ безуміемъ, она измѣнилась въ „блажь“ тѣла, близкую къ самому пошленькому разврату.

Что удивительнаго, если жизнь стала необыкновенно плоска, безвкусна? Чѣмъ проще пища, тѣмъ больше нужно соли. Нужно много хорошей любви, чтобы современная жизнь безостановочно, трудовой лямки жила со вкусомъ, безъ отвратительнаго, тошнотворнаго недомоганія скукой.

Развѣ забылась старая истина, что любовь преобразовываетъ всѣ вещи въ прекрасныя, всѣ цвѣта въ розовый, всѣ звуки въ соловьиные? Что жъ мы забыли ее куда-то въ задній уголъ, и если позволяемъ изрѣдка обратить на нее свое вниманіе, то непременно съ ироническимъ оттѣнкомъ? Нѣтъ! Если бы явился въ настоящее время гениальный поэтъ, для него не было бы возвышеннѣе задачи, какъ пѣть людямъ о любви, о возвышенной, безумной любви, которая даетъ человѣку видѣть больше, чѣмъ день, и слышать больше, чѣмъ ночь! Нѣтъ! Слишкомъ холодно жить въ наши дни, дни объективныхъ естественныхъ наукъ, холодныхъ денегъ и холодно-склизкой любви проституціи... Слишкомъ холодно... Давайте подсядемъ къ кострамъ великой любви, какіе горятъ въ драмахъ Метерлинка. Давайте хоть полюбуемся ими. Мы, вѣдь, совѣмъ разучились любить. Не потому ли разучились и жить, и умирать?

И.

Метерлинокъ въ своихъ драмахъ трактуетъ собственно два сюжета: смерть и любовь. Это—двѣ сестры, въ одной изъ которыхъ проявляется maximumъ жизни ¹⁾ (въ любви), въ другой—minimumъ. Это два полюса, очень далекие одинъ отъ другого, но и, какъ два полюса, во многомъ очень похожие одинъ на другой.

Изображеніе любви, въ различныхъ условіяхъ ея проявленія, посвящены драмы: „Аглавена и Селизета“, „Пеллеасъ и Мелеандръ“, „Алладина и Паломидъ“ и особенно „Жуазель“, отчасти также „Монна-Ванна“ и „Сестра Беатриса“ (Полное собраніе сочиненій, т. I и т. II. Изд. Саблина. М. 1904 г.).

Прежде всего, что такое, по Метерлинку, любовь?

Это таинственное проникновеніе одного существа другимъ, это перемѣненіе души, сердецъ. Вотъ какъ описываетъ Мелеандръ Аглавенѣ свою любовь къ ней ²⁾: „Твою душу я чувствую лучше, чѣмъ свою собственную, ты ближе мнѣ, чѣмъ я самъ себѣ, и если бѣ мнѣ сказали „Вамъ надо спасать свою жизнь“, мнѣ пришлось бы спасать твою, чтобы жить... Я бы не видѣлъ больше самого себя, если бы ты не была здѣсь. Я больше не нахожу себя, не улыбаюсь себѣ, не люблю себя иначе, какъ въ тебѣ одной. Мнѣ часто кажется, что душа моя, все мое существо и все, чѣмъ они владѣютъ, перемѣнили жилище, и что я со слезами цѣлую часть самого себя, когда цѣлую тебя такъ, какъ сейчасъ“.

Аглавена отвѣчаетъ ему:

— Я говорю то же самое, Мелеандръ. Когда я цѣлую тебя, мнѣ тоже кажется, что я цѣлую себя самое, сдѣлавшуюся болѣе прекрасной. Я живу только, когда ты здѣсь. Я слышу свой голосъ только вмѣстѣ съ твоимъ. Я ищу себя внѣ себя и въ тебѣ нахожу себя, я ищу тебя внѣ тебя и нахожу тебя въ себѣ... Я не различаю больше ни нашихъ рукъ, ни души, ни губъ... И я больше не знаю, ты ли свѣтишь мнѣ, или я становлюсь твоимъ свѣтомъ... Все до такой степени перепуталось въ нашихъ существахъ, что больше невозможно рѣшить, гдѣ начинается одинъ и гдѣ кончается другой... Я чувствую, какъ ты расцвѣтаешь во мнѣ, а я расцвѣтаю въ тебѣ, и мы безконечно возрождаемся одинъ въ другомъ.

Въ любви уже нѣтъ сознанія различія „я“ и „ты“. Въ любви одно „мы“.

— Ты ли это плачешь, Аглавена? спрашиваетъ Мелеандръ.

¹⁾ „Жуазель“ д. I, явл. 1-е: „Въ эти дни (дни любви) онъ коснется вершины своей жизни“.

²⁾ „Аглавена и Селизета“ д. II, картина 1-я.

— Нѣтъ, это мы плачемъ, Мелеандръ.

Любовь—проникновеніе одного существа другимъ. Это необыкновенная близость двухъ, близость по сущностямъ, такъ что любить не за то или другое... Все это „то“ или „другое“ отдѣляло бы сущности любящихъ, мѣшало бы ихъ близости, ихъ проникновенію по существу.

Любовь—это близость сущностей, независимо отъ того, что эти сущности облекаются, въ чемъ эти сущности проявляются. Этого именно требуетъ Селизета отъ Мелеандра въ той же драмѣ.

— Я не хочу,—говоритъ она Аглавенѣ ¹⁾,—чтобы онъ любилъ меня за что-нибудь... Я хочу, чтобы онъ любилъ меня самое... Нѣтъ, это невозможно объяснить... Я не хочу, чтобы онъ любилъ меня за то, что я понижаю его, отвѣчаю ему... Можно подумать, что я ревную его къ самой себѣ... Я хочу, чтобы онъ любилъ меня даже тогда, если бы я ничего не знала, ничего не дѣлала, ничего не видѣла,—была бы ничто.

То же говоритъ Лансеору любящая Жуазель. На вопросъ Лансеора,—послѣ того какъ онъ измѣнилъ Жуазели и отъ болѣзни похудѣлъ, сгорбился, распался физически и морально,—на вопросъ: „Что ты еще любишь во мнѣ, несмотря на то, что я оскорбилъ и уничтожилъ все, что ты любила?“ Жуазель отвѣчаетъ: „Тебя“.

— Что осталось отъ меня?—говоритъ Лансеоръ.—Эти руки, потерявшія силу,—не мои руки, глаза, утратившіе свѣтъ блескъ,—не мои глаза, и сердце, измѣнившееся любовью,—не мое сердце... Жуазель отвѣчаетъ:

— Это—ты, все-таки ты, и никто другой, какъ ты!.. Развѣ не все равно, кто ты, если я снова нашла тебя!.. Когда любить, какъ я люблю тебя, то любить не за то, что онъ говоритъ или дѣлаетъ, и не за то, кто онъ, а любишь его и только его, который остается все тѣмъ же, несмотря на проходящіе годы и несчастья ²⁾... Обнимая все существо любящихся, любовь вырываетъ ихъ сознаніе изъ рамокъ времени. Время можно считать только по дѣлѣніямъ жизни, по проявленіямъ существа. Ступени времени—ступени жизни нашей души или тѣла. Но когда весь человѣкъ, цѣликомъ, захваченъ любовью, онъ не сознаетъ своихъ дѣлений, потому что онъ весь—одно, любовь, и, не сознавая дѣлений, не сознаетъ времени, не сознаетъ, что было время, когда онъ не любилъ любимаго. „Мнѣ кажется,—говоритъ Лансеоръ Жуазели ³⁾,—что я всегда зналъ и цѣловалъ тебя“... Кажется,—говоритъ также Мелеандръ Аглавенѣ ⁴⁾,—что мы никогда не жили врозь, и что

¹⁾ Ibid., д. II, картина 2-я.

²⁾ „Жуазель“ д. II, явл. 1-е.

³⁾ „Жуазель“ д. II, явл. 1-е.

⁴⁾ „Аглавена и Селизета“ д. II, карт. 1-я.

я зналъ тебя раньше, чѣмъ сталъ помнить самого себя. Мнѣ кажется, что ты предшествовала всему, что есть во мнѣ“.

Любовь сущностей выноситъ человѣка за предѣлы дѣлений пространства и времени. Для любящихся начинается новая жизнь, въ совершенно новыхъ, прекрасныхъ условіяхъ. Все преобразуется подъ дыханіемъ любви, потому что это лучшая весна—весна въ человѣческомъ сердцѣ. Все расцвѣтаетъ въ природѣ, потому что улыбается сердцу паря-человѣка.

— Сколько свѣта кругомъ!—восклицаетъ Лансеоръ въ отвѣтъ на глубокое „да“ Жуазели.—Какая роскошная весна!.. Я гляжу на небо и садъ, и садъ пробуждается.

Брошенные въ темное, сырое подземелье, выходящее къ морю, Алладина и Паломидъ своею любовью расцвѣчиваютъ его въ блестящій, красивый гротъ.

— Посмотри, какъ все освѣщается вокругъ насъ!..—говоритъ Паломидъ Алладинѣ ¹⁾.—Ты видишь, какъ камни и своды, опьяненные свѣтомъ, шлютъ намъ свои улыбки... А мириады, мириады пламенныхъ голубыхъ розъ, которыя ползутъ по стѣнамъ?

Жизнь преобразуется въ любовь. „Бѣдные люди безъ огня, бѣдные люди безъ любви“ ²⁾!

П.

Для такой любви, какъ ее представляетъ Метерлинокъ, не страшны никакія испытанія. Она стоитъ выше ихъ, выше измѣнъ, выше смерти, потому что она проникаетъ сущности, не измѣняемыя и не уничтожимыя. Вѣдь, она не любовь оболочекъ, которая мѣняется столько же, сколько мѣняются въ теченіе жизни оболочки. Она неизмѣнна и побѣдоносна.

Въ этомъ смыслѣ особенно интересна драма „Жуазель“. Это гимнъ торжествующей любви, совершенно противоположный гимну поруганной любви, какимъ является драма Вѣра „Одна за многихъ“.

„Жуазель“ нельзя читать безъ захватывающаго волненія, которое вѣнчается преклоненіемъ предъ всецѣлительной, всепрощающей и всеисцѣляющей любовью женщины. По силѣ выраженія и композиціи „Жуазель“ превосходитъ другой гимнъ торжествующей любви, драму Гауптмана „Бѣдный Генрихъ“, гдѣ нѣжная Оттегеба своей любовью возвращаетъ къ жизни прокаженнаго Генриха.

Дѣло въ томъ, что Жуазель и Лансеоръ случайно встрѣтились и полюбили другъ друга. Отецъ Лансеора Мерлинь, при помощи волшебнаго духа Аріэля, ставитъ имъ на пути различныя испытанія, чрезъ которыя должна

¹⁾ „Алладина и Паломидъ“, д. IV, сц. 1-я.

²⁾ „Монна-Ванна“, д. II, сц. 1-я.

пройти ихъ любовь. „Если мы,—говоритъ Мерлину Аріэль,—не подвергнемъ его испытанію, это сдѣлаетъ сама судьба“.

Въ чемъ же состоятъ эти испытанія? Прежде всего старикъ Мерлинь, макирующийся предъ влюбленными совершенно чужимъ Лансеору владѣльцемъ острова, куда тѣ оба случайно попали, запрещаетъ имъ видѣться другъ съ другомъ.

— Если я узнаю, что вы видѣлись, вы неминуемо погибли,—говоритъ онъ имъ обоимъ.

Но Жуазель первое же испытаніе встрѣчаетъ рѣшительнымъ отпоромъ.

Мерлинь (Лансеору). Вы общаете мнѣ избѣгать ея?

Лансеоръ. Если отъ этого зависить ея жизнь,—да.

Мерлинь. А вы, Жуазель?

Жуазель. Нѣтъ ¹⁾.

И, дѣйствительно, они видятся въ старомъ, заброшенномъ саду.

Второе испытаніе, по мысли Аріэля, состоитъ въ измѣнѣ Лансеора. Аріэль превращается въ красивую женщину и поджидаетъ у мраморнаго бассейна пробужденія Лансеора. Лансеоръ прощелестается, замѣчаетъ ее и легкомысленно мужчины увлекается ея красотой: „Какая красивая! Она полубожена, и ея слегка согнутая нога, какъ осторожный цвѣтокъ, касается воды, которая, улыбаясь, струится вокругъ нея жемчугами“... Обнимаетъ Аріэль и говоритъ: „Нѣтъ, не отталкивай меня! Это не страсть, не минутное опьяненіе,—это вѣчный расцвѣтъ любви!.. Я склоняюсь къ твоимъ колѣнямъ и смиренно цѣлую ихъ... Я отдаю себя одной тебѣ. Я принадлежу только тебѣ“...

Въ это время за кустарникомъ слышенъ жалобный крикъ. Аріэль вырывается и убѣгаетъ, и входитъ потрясенная видѣніемъ и слышаннымъ Жуазель. Лансеоръ не признается сначала ни въ чемъ, хотя Жуазель говоритъ ему:

— Ты знаешь, какъ я, что у любви есть слова, которымъ ничто не можетъ противиться, и что самый большой проступокъ, когда признаешься въ немъ съ честнымъ поцѣлуемъ, становится истиной болѣе прекрасной, чѣмъ невѣстность.

Наконецъ, Лансеоръ, хотя косвенно, сознается—и въ то же время измѣняетъ себѣ.

— Я не тотъ, за кого ты меня принимала и не хочу имъ больше быть... Я такой же, какъ и всѣ... Я буду жить, какъ и всѣ въ мірѣ, гдѣ нѣтъ вѣры, гдѣ никто не любитъ другъ друга, гдѣ всѣ клятвы разбиваются при первомъ испытаніи...

Жуазель, рыдая, уходитъ и, уходя, оборачивается, смотритъ печально на Лансеора и говоритъ: „Я люблю тебя“.

¹⁾ Д. I, явл. 2-е.

Жуазель не отдастъ безъ боя своего Лансеора ¹⁾.

Дѣйствіе третье представляетъ намъ Лансеора страшно постарѣвшимъ въ нѣсколько часовъ, столько же отъ внутреннихъ волненій, сколько и отъ укуса змѣи въ старомъ саду. Лансеоръ мучится сознаніемъ, что вмѣстѣ съ любовью онъ теряетъ и жизнь. Жуазель находитъ его измученнаго, постарѣшаго, радуется, что нашла, жалѣетъ и попрежнему любить.

— У любви бываютъ дни,—говоритъ она,—когда ничто не улыбается... Что до того: любовь улыбается и сквозь слезы. Да, да, приблизься ко мнѣ, я люблю тебя сильнѣе, чѣмъ въ счастливую минуту, когда все насъ соединяло!..

Лансеоръ пораженъ: „Кто я, Жуазель? Что ты еще любишь во мнѣ, несмотря на то, что я оскорбилъ и уничтожилъ все, что ты любила?“..

Жуазель. Тебя... Развѣ не все равно, кто ты, если я снова нашла тебя!.. Когда любить, какъ я люблю тебя, то любить не за то, что онъ говоритъ или дѣлаетъ, и не за то, кто онъ, а любишь его и только его, который остается все тѣмъ же, несмотря на проходящіе годы и несчастья... Я люблю тебя одного, и каждая перемѣна только увеличиваетъ любовь... Тебя одного я вижу, слышу, тебя одного я слушаю непрестанно и всегда люблю!..

Лансеоръ. Жуазель!

Жуазель. Да, да, поцѣлуй меня, обними меня!.. Намъ придется бороться и страдать... Намъ всюду разставлены сѣти... Насъ только двое, но въ насъ заключена вся любовь!..

За измѣной Лансеора слѣдуетъ новое искушеніе для любви Жуазели, попытка склонить къ измѣнѣ саму Жуазель. Для этой цѣли Мерлинь является помощникомъ и похожимъ на Лансеора въ томъ расчетѣ, не перейдетъ ли сердце Жуазели незамѣтно на новое лицо, которое почти повторяетъ нѣкогда привлекательнаго, а теперь постарѣваго Лансеора. Но хитрость Мерлина не удается. Жуазель не поддается обману.

— Вы и онъ!—говоритъ она Мерлину.—О, это все равно, если бы смерть захотѣла стать жизнью... Но пусть васъ будетъ двадцать тысячъ похожихъ на него и среди васъ онъ одинъ будетъ не похожъ на того, какимъ онъ былъ вчера (т.-е. когда онъ впервые привлекъ любовь), и я опрокину всѣ двадцать тысячъ призраковъ и подойду къ единственному человѣку...

Напрасно Мерлинь пытается подорвать въ Жуазели любовь къ Лансеору указаніемъ на его измѣну, на оскорбленіе имъ ея великой любви, Жуазель остается непреклонной.

¹⁾ Д. II.

Мерлинь. Въ двухъ шагахъ отъ этой скамьи онъ оскорблялъ твою великую любовь!..

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинь. Почему ты говоришь „нѣтъ“, даже не взглянувъ?..

Жуазель. Потому что онъ—это я сама...!

Мерлинь. Я не прошу, чтобы ты вѣрила мнѣ на слово, я прошу только чтобы ты повернула голову.

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинь. Слышишь ты шопотъ ихъ голосовъ и звукъ поцѣлуя, отвѣчающего на поцѣлуй?..

Жуазель. Нѣтъ.

Мерлинь. Гляди! Тѣнь отъ ихъ рукъ удлиненная луной, проползаетъ подъ кустарниками и достигаетъ твоихъ колѣнъ! Гляди!.. Она смѣется надъ тобой и поднимается до твоихъ губъ... Жуазель. Нѣтъ.

Наконецъ, послѣднее искушеніе, самое страшное и мучительное.

Лансеоръ отъ укуса змѣи лежитъ при смерти. Напрасно Жуазель прижимается къ губамъ его своими губами, стараясь поддержать его дыханіе.

— Лансеоръ! Лансеоръ! Я перелысываю твоё сердце все пламя моей жизни!.. Вдохни его до послѣднихъ изгибовъ моего дыханія, которое любить тебя... Бери, бери!

Нѣтъ, Лансеоръ падаетъ, безнадеженъ.

Входитъ Мерлинь и на просьбы Жуазели соглашается возратить Лансеору жизнь, но подъ жестокимъ условіемъ, если Жуазель придетъ къ нему ночью и отдастъ „безъ стыда и добровольно“...

Послѣ безумныхъ раздумій и колебаній Жуазель соглашается на это гнусное условіе, чтобы только спасти жизнь любимаго:

— Хорошо, да, я приду!.. Я приду, какъ только наступитъ ночь! Я приду, какъ только наступитъ вечеръ!.. Не сначала спасите его и верните ему жизнь!..

Испытанія кончились. Ужасное условіе, конечно, не состоялось, потому что оно, по мысли Мерлина, было только искушеніемъ.

Любовь Жуазели на себѣ вынесла все будущее Лансеора, и Мерлинь, уже благословляя ихъ любовь, какъ отецъ, говоритъ: „Пусть боги даруютъ людямъ только такія счастливыя муки, какими были ваши!“

„Пусть боги даруютъ!“.. Будемъ вѣрить и всѣ мы, кому придется испытывать муки, что это „счастливыя муки“, и будемъ выносить ихъ въ надеждѣ на лучшее будущее... Потому что въ жизни лежать рядомъ „бѣлый саванъ“ и „смѣющагося пеленки“,—умираніе и возрожденіе, ужасъ и смѣхъ.

П. А. Соколовъ.

¹⁾ Пшибышевскій. „Мысли и афоризмы“.